



Марине Липиной,  
Елене Петряевой  
и Александре Чуриной,  
которые неожиданным  
и мистическим образом  
выложили в социальных  
сетях свои семейные  
истории о вологодском  
кружеве в тот момент,  
когда я работала  
над этой книгой

Во Фетиньиной беседа хороша.  
Во беседе сидит девушка  
Со точеными пялечками,  
Со камышевым коклюшечкам,  
С коленкоровой подушечкой,  
С позолоченным булавочкам.  
Она шелковы кружева плетет.

Образец вологодского музыкального  
фольклора (по Н. Иваницкому)  
Все события вымышлены, любые  
совпадения случайны

## ПРОЛОГ

Поздняя осень в этом году выдалась настолько красивой, что в это даже не верилось. Не может быть такого октября: теплого, с прогревающимся днем до восемнадцати градусов воздухом, сухого, с ласково шелестящей под ногами листвой, с сияющим на солнце золотом крон, с сочной зеленью травы под ногами. И в обычный-то год не может, а уж в этот проклятый високосный, тем более.

Но то ли в награду за весь год и связанную с ним нервотрепку, то ли в насмешку на дачах в октябре цвели розы, набухли почки на сирени, продолжала плодоносить малина, а в лесу на смену отошедшей клюкве и бруснике новой волной пошли грибы.

Именно за грибами и отправилась в последние теплые октябрьские выходные семейная пара, живущая в деревне Фетинино. До леса было километра полтора, но место это, грибное и щедрое, знали только местные, да и то не все. От дороги оно располагалось далеко, так что городские грибники на машинах сюда не добирались. Вот и хорошо, вот и славно.

Белых было немного, но вот рыжиков и опять хоть косой коси, да и красноголовиков несколько штук нашлось, на жареху хватит. В надежде найти еще парочку, женщина свернула с протоптанной тропинки, углубилась в траву между берез и вдруг замерла в недоумении. Под деревом стоял чемодан.

Обычный, довольно большой пластиковый чемодан на четырех колесиках с широкой и удобной ручкой. Признаться, женщина всегда немного завидовала, когда видела такие у людей в аэропорту. Они с мужем любили отдыхать в Турции, жаль, в этом году не довелось. Вот только в лесу такому чемодану делать было совершенно нечего.

— Ко-ость, а Ко-ость, — позвала она с характерной говору северной глубинки напевностью, — погля-адь, что я нашла-а.

Муж, мужик основательный, подошел не спеша, остановился, чуть пыхтя, — грузность не давала ему двигаться и наклоняться легко, как в молодые годы, — посмотрел с легкой насмешкой, но без издевки.

— Ну, показывай свою находку.

— Вот, — женщина мотнула головой в сторону чемодана, и муж уставился на него, словно не веря собственным глазам. Нет, правда, неоткуда тут было взяться чемодану.

— Етить-колотить. — Мужчина снял изрядно засаленную, видно, что бывалую, кепку и потер плешивый затылок. — Это ж какой турист его тут оставил?

— Ко-ость, может, ну его, пойдем, — жарким шепотом заговорила женщина и вцепилась мужу в рукав, — не к добру он тут стоит. Давай трогать не будем.

— Да подожди ты, — мужчина стряхнул ее руку, сделал несколько шагов к чемодану, присел на корточки, потрогал пальцем ручку и поднял ее, — ну, не бомба же в ём. Давай посмотрим.

— А вдруг там ценное, — женщина все еще нервничала, — пропадет, и потом в жисть не докажем, что ничего не брали.

— Так кому доказывать-то, Нюрка, нет же тут никого, — мужчина усмехнулся и решительно потянул за молнию. — А если ценное, так, почитай, нам с тобой впервые в жизни повезет.

Молния разошлась, и в нос ударил жуткий гнилостный запах. Внутри лежал человек, точнее, то, что осталось от умершей пожилой женщины. Мужчина сделал шаг назад, зажал широкой ладонью рот и нос. За его спиной раздался истошный визг жены. Уронив корзинку и не замечая, что собранные грибы рассыпались по все еще зеленой траве, она то ли кричала, то ли выла на одной протяжной ноте.

— Замолчи, — тяжело обронил мужчина, и жена послушно заткнулась, тараща бесцветные глаза на чемодан со страшной находкой, — в полицию надо звонить, а не орать.

\* \* \*

«По факту обнаружения тела женщины в чемодане в лесу недалеко от деревни Фетинино возбуждено уголовное дело. Следственный комитет квалифицировал происшествие как убийство. На теле жертвы найдены следы удушения. Следователи и криминалисты осмотрели место происшествия, опросили очевидцев, — сообщила прессе помощник руководителя областного Следственного комитета Лилия Лаврова. — Назначены судебно-медицинская и молекулярно-генетическая экспертизы, личность женщины устанавливается. При ней не найдено никаких документов».

Впрочем, кое-что Лиля от общественности все-таки утаила. Даже своей давней приятельнице, много раз по-

могавшей ей журналистке областной газеты «Курьер» Инессе Перцевой не призналась, что один вещдок при потерпевшей все-таки нашли. Выглядел он странно: хрусткий пожелтевший лист плотной бумаги с нанесенным на него кружевным узором. С недавнего времени Лиля любила кружева, а потому позвонила мастерице, у которой заказывала кружевные элементы для своих нарядов. Отправив фотографию находки, она узнала, что обнаруженный листок называется сколок и используется как основа для плетения кружева.

На сколке был прорисован кружевной кленовый лист, выглядел лист измятым и ломким, видно, был очень старым. В верхнем правом углу можно было различить то ли вензель, то ли просто инициалы Т.М., но имело ли это отношение к жертве и ее гибели, было совершенно непонятно. На всякий случай Лилия решила о сколке умолчать, а там видно будет.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Октябрь 1857 года выдался студеным. На замерзших и от того хрустких листьях плела свое красочное кружево изморозь. Татка даже остановилась, чтобы разглядеть узор получше, вдруг пригодится. Ей ужасно хотелось, чтобы Соня, София Петровна Брянцева, ее учительница и мастерица от бога, похвалила, выделила среди остальных. О том, что сплетенное Таткой кружево когда-нибудь покажут Анфии Федоровне, матери Софии, девушка даже не мечтала.

— Тата, ты идешь или нет, холодно.

Закадычные подружки Пелагея и Авдотья ждали замешкавшуюся Тату в отдалении. Дуся с присущей ее характеру кротостью, Палашка — нетерпеливо пристукивая ножкой, обутой, невиданное дело, в кожаный сапожок. Тата перевела взгляд на валенки, которые поутру заставила надеть мать, увидевшая первый снег. Дуся шла на урок в лаптях, любовно украшенных вплетенной в лыко тесьмой и вышитых бисером. Золотые у Дуси руки, ой золотые, но все равно не такие, как у Татки.

Она подняла кленовый лист с особенно красивой морозной вязью — он казался прозрачным, словно исхудавшим, — и бережно спрятала в лежащую в кармане варежку. Вдруг получится донести до дома Брянцевых, чтобы тщательно срисовать узор на кусок плотной оберточной бумаги. Чем не сколок?



— Иду, — чуть виновато откликнулась она на Палашкин призыв и ускорила шаг. Нехорошо заставлять себя ждать, да и на урок опаздывать не след.

Вот уже месяц три подружки два раза в неделю, по вторникам и четвергам, посещали уроки кружевоплетения, которые давала известная кружевница София Брянцева. Ее мать Анфия Федоровна исполняла любые виды кружева: и иностранный «валансьен», и «брюссель». Но больше всего ценился изобретенный ею «вологодский манер», а уж София и вовсе слыла лучшей кружевницей в округе. Девчонки шептались, что за один заказ от столичных модниц она могла получить неслыханные деньги — аж двести рублей.

Добрая Дуся нет-нет да вздыхала, невольно завидуя семейному укладу дома, в котором им приходилось регулярно бывать. Тата же не завидовала ничуть — знала, что кружева плетут да уроки дают мать и дочь не от хлебо-сольной жизни. В средствах к существованию Брянцевы нуждались постоянно, а кружевоплетение давало стабильный заработок. Еще более прибыльным делом оказалось создание рисунков и изготовление сколков. На нем Анфия Федоровна и София Петровна зарабатывали даже больше, чем собственно на плетении, да и делать это было гораздо легче.

В досужие разговоры Тата вообще не верила. Как же двести, когда самая дорогая шаль, сплетенная Таткиной матерью, не приносила в семью больше пяти рублей, да и то не часто? Обычно они и двум рублям были рады.

Честности ради, Тата не могла не признать, что кружево у матери выходило толстое, грубое, напрочь ли-

шенное того воздушного изящества, которое струилось из-под пальцев Софии Брянцевой. Собственно говоря, именно из-за этого Татку и отдали в обучение к известной мастерице, и теперь она истово училась, мечтая о том, чтобы, уподобившись Анфии и Софии, выплетать платья и косынки, тальмы, покрывала, вуали, наколки и чепцы.

Соня Брянцева за пядьца уселась, когда ей было пять лет, а учить других начала, едва ей исполнилось десять. Этот факт отдавался у пятнадцатилетней Таты болью в душе, заставляя горевать о собственном несовершенстве. Неужели ей никогда-никогда не стать такой, как София?

Школа располагалась в выделенном на эти цели большом помещении в доме Брянцевых. Ходили сюда ученицы из города и окрестных деревень в возрасте от двенадцати до сорока, так что, строго говоря, Татка и ее подруги были здесь еще не самыми «позднеспелыми». С Палашки с ее кожаными сапожками Брянцевы брали по пять копеек за урок — ее зажиточный отец мог потянуть плату за неожиданное увлечение дочери, а вот Дуся и Тата расплачивались то корзинкой клюквы, то шматком сала, то свежее испеченным пирогом. Для них кружевоплетение было не блажью, а потенциальным источником дохода.

Урок начинался в десять, и сделать перерыв мастерицы могли не раньше часа пополудни. После сигнала Софии они доставали свои узелки с припасенным обедом, как правило, состоящим из куска ржаного хлеба, соленого огурца и холодной картофелины, и, наскоро перекусив, бежали на улицу, чтобы вдохнуть свежего

воздуха. На перерыв отводилось минут сорок, после чего ученицы возвращались к занятиям и сидели, склонив голову над подушечкой и коля пальцы булавками, до пяти часов вечера.

Тата перерыв любила особо еще и за то, что в это время из уездного суда приходил на обед глава семьи Брянцевых, Петр Степанович, в которого Тата была тайно влюблена. Иногда девушке удавалось пусть одним взглядом да увидеть объект своей девичьей наивной страсти. Интересно, повезет ей сегодня или нет?

Ускорив шаг, чтобы поспеть за широко шагающими подругами, Тата придирчиво вспоминала, как именно сегодня оделась. Впрочем, к Брянцевым она всегда старалась надевать лучшее. Цельная рубаха, длинная, по самую щиколотку, сегодня была новой, оттого сверкающей белизной. Лямки на ярко-красном сарафане Тата заменила на кружевные, сплетенные собственными руками. Такая же кружевная лента шла под пуговицами, имитирующими застежку. Мать, конечно, требовала надеть другой сарафан, с утепленным шерстяной подкладкой подолом, но Тата наотрез отказалась. Да, студеное нынче утро, но все же не зима.

Палашка уже красовалась в новой шубке, короткой, но из беличьего меха. На Дусе была надета суконная коротайка, как водится, расшитая тесьмой и разноцветными шнурами, а Тата куталась в кафтан из шерстяной ткани, купленной отцом по какой-то оказии и тоже украшенной кружевом. От овчинного тулупа, предложенного матерью, удалось пока отвертеться. Нет, в таком виде не стыдно показаться на глаза Петру Степановичу, совсем не стыдно.

— Тата, ну хватит витать в небесах, — Палашка опять топнула ножкой, проявляя характер, — поторапливайся, из-за тебя мы опоздаем.

Оказывается, замечтавшись, она опять отстала от подруг. Тяжело вздохнув над собственным несовершенством, из-за которого Тата то и дело влетала в неприятности, она бросилась их нагонять.

\* \* \*

Снежана разогнула затекшую спину и сладко потянулась. Сегодняшняя норма выполнена, теперь, пожалуй, можно и пообедать. Из кухни тянуло привычными домашними ароматами сдобы, жареного мяса и, кажется, борща.

— Ма-а-а-ам, что у нас сегодня на обед? — прокричала Снежана, придирчиво осмотрела выполненную за сегодня работу — распускающуюся поверх сколка невиданной красоты жар-птицу, которую постоянная заказчица хотела видеть на спине черного выходного платья, — и поправила коклюшки, издавшие легкий мелодичный звон. Звон был особый — хоть раз в жизни услышишь, ни с чем не перепутаешь.

— Иди руки мой, садись за стол и узнаешь. — Голос матери тоже был звонким, мелодичным, совершенно не соответствующим ее семидесяти двум годам.

Маму, сохранившую хрупкость невысокой фигурки, носившую неизменные каблуки и короткую, ультрасовременную стрижку, со спины часто принимали за девушку. Снежана ею гордилась.

— Скоро закончишь? — спросила мама, когда она с удобством расположилась на своем законном месте,